
Куда приходят ответы
Проверь, прежде чем верить
Аркадий М.В.

Аркадий М

Куда приходят ответы

https://litres.ru/74930388
SelfPub; 2026

Аннотация

Из книги заявок Веры.

Меня зовут Вера, мне двадцать пять. Я сижу в приёмном окне Артели малых дел и записываю просьбы слово в слово. Ничего не исправляю и не додумываю. Ещё я повторяю чужие последние слова. Людей это бесит. Меня тоже. Но часто просьба как раз в них и прячется.

Нас четверо. Костя лезет туда, куда другие не решаются. Соня замечает след там, где остальные видят пятно. Егор считает и взвешивает. Я слушаю. Иногда со второго раза.

Наш город поднимается лестницами над морем. Здесь часы на башне идут назад, колокол бьёт лишний раз, а за самой странной просьбой может скрываться то, о чём человек не решается сказать прямо.

Улики будут перед вами. Можете заметить раньше нас.

А в ящике лежит карточка 1: «Прошу найти, куда в городе приходят ответы, которые опоздали». Подписи нет. Я думаю, наши дела с ней связаны. Пока это только догадка.

Первое дело — «Часы идут назад». Окно открыто.

Вера

Аркадий М
Куда приходят ответы

Куда приходят ответы
Книга 1
Проверь, прежде чем верить

16 глав, 4 дела
Глава 1
Дело 1. Часы идут назад

— Часы на башне идут назад. Сделайте что-нибудь, чтобы я не опоздал.

Голос возник в приёмном окне Артели вместе с запахом рыбы и мокрой верёвки. Вера как раз откусила от утренней булки и теперь стояла с полным ртом, а за окном гудела пристань. Туман здесь не молчал: в нём ругались лодочники, звенели вёдра, торговка расхваливала копчёную салаку.

Сквозь белое проплывали жёлтые зонты и красные шапки. Лиц не было, только цвета и голоса.

Вера проглотила булку.

— Часы на башне идут назад, — повторила она, потому что повторять чужие последние слова было её привычкой. Колокольчик на запястье звякнул. — Давайте запишем, как вы сказали.

— Запишите. Мне к полудню наверх.

Голос был молодой, торопливый, привыкший к высоким потолкам. Вера писала в книгу заявок слово в слово и дошла до последней строчки: «Чтобы я не опоздал».

— Так?

— Так. Только быстро.

Шаги простучали по доскам и растворились в белом. Рядом шелестела стена записок: «буду к шести», «яблоки забрал», «кто взял мой зонт, он не ваш». Вера перечитала запись. Человек не просил починить часы. Он просил не опоздать, а это совсем другая работа.

Дом Артели стоял там, где туман кончался: нижние окна в молоке, а кухня на втором этаже уже в солнце. Костя ел стоя, одной ногой на лестнице, что вела на крышу. Соня сидела на подоконнике и протирала рукавом подзорную трубу, а лупа на шнурке качалась рядом. Егор клал на карманные весы яблоко, подаренное соседкой, и шевелил губами. Вышло двести десять граммов. Он остался доволен, как хорошим собеседником.

— Заявка, — сказала Вера и прочла вслух.

— Это к часовщику из Палаты, — сказал Костя с набитым ртом. — Сломались, починят.

— Эти не ломаются, — сказал Егор и снял яблоко с весов. — Я служу в Палате мер и весов, так что знаю. Сто двенадцать лет каждое утро смотритель сверяет башню с колоколом Обители и расписывается в книге. Ни разу ни одной минуты расхождения. По ней ходят паромы, открываются лавки, судья садится за стол. Говорят, что и рождаются у нас по башне: акушерки записывают время. Никто ещё не жаловался.

— А что внутри? — спросила Соня.

— Ничего. Лестницы нет, только подъёмная клеть и лебёдка. Дверь одна, ключ один, висит на шее у смотрителя. Он с ним ложится спать.

— Единственная башня в городе, на которой мне нечего считать, — сказал Костя.

— Он сказал «идут назад», — сказала Вера. — Не «стоят» и не «врут». И ему к полудню наверх.

— Это дороже, чем кажется, — сказал Егор. — Часы, которые не ошибаются, начали ошибаться. На них держится весь город, а нам до полудня три с половиной часа.

— Давайте поднимемся и посмотрим, — сказал Костя и ушёл первым.

Лестница вывела их на солнце за первым поворотом. Город открылся весь: туман лежал внизу белой пеной, над голо-

вой синело, а между ними кипела жизнь. На пролётах торговали мандаринами и верёвками, на балконах выбивали ковры. Пыль вспыхивала золотом. «Моя ступень!» — кричал сосед сверху. «Твоя, пока не подметёшь!» — отвечал сосед снизу. Костя считал ступени вслух, шипы на его ботинках звенели по камню. Пахло нагретым деревом, сушёными сетями и мандариновыми корками с подоконников, на верёвках хлопали простыни. Под одной из них спала рыжая кошка, уверенная, что ночь ещё не кончилась. На повороте навстречу с грохотом поехала тележка с бельём. Костя поймал её одной рукой, не сбившись со счёта. Хозяйка закричала на всю лестницу: «Хлеба ему!» Костя отломил ей полбулки, потому что другого ответа у него не нашлось.

Площадь с башней гудела. Люди останавливались под часами, поднимали головы, доставали карманные часы, сверяли и не верили. Башня стояла узкая, светлая, выше всех крыш вокруг, с огромным циферблатом. Каждая золотая стрелка была размером с лодочное весло. Пекарь в белом фартуке считал на пальцах и жаловался небу: «Сто двенадцать лет не опаздывали! Теперь булки перестоят!» Старушка с корзиной спрашивала у всех подряд, который час, и, получив ответ, уточняла: «Это по башне или по-настоящему?» Никто не мог ей ответить. Двое из Верёвочной пожарной части снимали с флагштока воздушного змея и по этому случаю спорили. Один помахал Косте вёдрами. Костя помахал хлебом.

У железной двери башни стоял сторож Палаты, красный от важности.

— Печать цела, — сказал он, не дожидаясь вопросов. — Замок цел, ключ при смотрителе. Щупайте, сколько хотите, только не трогайте.

Костя пощупал и не тронул. Он постоял, прислушиваясь, но железо молчало. Дверь была холодная и заперта наглухо, а на замке висела печать Палаты: две чашки весов, одна чуть ниже другой.

— Ждём девяти, — сказала Вера. — Колокол Обители бьёт по башне, сверимся.

Они встали под праздничной скатертью, расшитой рыбами, которая сушилась на верёвке. Егор положил весы на ладонь и следил, не клонит ли ветром саму башню, Костя считал секунды вслух, а Соня достала подзорную трубу. Наверху, в облаках, ударил большой колокол. Девять ударов раскатились по лестницам. Каждый отзывался в ступенях. Стрелки башни показывали без трёх минут девять.

— Идут вперёд, — сказал Костя. — Как положено. Не назад.

— Вчера вечером они били вместе с колоколом, — сказала Вера. — Я слышала, когда шла домой. Значит, за ночь потеряли три минуты.

— Именно три, — сказал Егор. — Костя сосчитал секунды, я проверил.

— А если посмотреть сверху? — сказала Соня и навела

трубу на циферблат.

Она долго не отвечала. Толпа внизу гудела и ворчала, пекарь снова пересчитал пальцы, а потом Соня опустила трубу.

— Смазка, — сказала она. — На оси стрелок и на кончике минутной. Свежая, жёлтая, как топлёное масло. Старая за год чернеет, а эта блестит. Кто-то ночью работал с механизмом.

— Через эту дверь? — спросил Костя.

— Печать цела, — сказал сторож с видом человека, которому до сих пор никто не верил.

— Печать цела, — подтвердил Егор. — Ключ один, лестницы нет, клеть внутри. Три минуты украли у башни, которая заперта, и сделали это тихо.

— А ключ можно взять? — спросила Соня.

— Только по бумаге с двумя подписями, — сказал Егор. — А Палата открывается в десять.

Они стояли вчетвером под отставшими часами, а Вера повторяла про себя то, с чего всё началось: «Мне к полудню наверх». Часы никто не ломал. Кто-то заставил их опаздывать и сделал это так, чтобы никто не понял, как он вошёл.

Спускались они не торопясь, потому что торопиться было некуда: сегодня торопились все остальные. Внизу туман поднимался навстречу, тёплый и пахнущий рекой. Звякали швартовые кольца. В городе, где все держат время по одним часам, страшно не опоздать самому. Страшно узнать, что опаздывают все сразу, а виноватого нет.

Вернувшись в Артель, она достала из кармана жилета мелок. На лестнице на крышу было шестнадцать ступеней, все пока чистые. Вера присела на первую и вывела: «Слушай конец фразы».

Мел скрипнул, колокольчик звякнул. До полудня оставалось меньше трёх часов. А на пороге башни, на единственной её ступени, кто-то успел написать мелом цифру 3.

Глава 2

Дело 1. Часы идут назад

Палата мер и весов открывалась в десять секунда в секунду. В то утро перед её дверью собралась очередь, какой там не видели со времён введения нового пуда. Золотой пояс в то утро блестел, как начищенный чайник. От этого испуганные лица в очереди казались особенно бледными. Люди стояли с карманными часами в руках и сверяли их друг с другом. Показания расходились. Очередь от этого мрачнела. Пахло сургучом, старой бумагой и мятным леденцом, который кто-то нервно гонял во рту, а над входом висела вывеска «Мера знает». Сегодня это звучало упрёком.

Смотритель вышел на крыльцо за минуту до срока: грузный человек в сером сюртуке с вышитыми весами на рукаве. Ключ от башни висел у него на шее на кожаном шнурке, поверх сюртука, чтобы все видели.

— Никто не входил, — сказал он, едва они подошли. — Ключ при мне со дня вступления в должность. Я его даже в бане не снимаю.

— Давайте запишем, как вы сказали, — сказала Вера.

Смотритель расправил плечи и продиктовал клятву целиком, а сторож, прибежавший с площади следом, достал из-за пояса бумагу. По правилам ключ выдавали только по акту: сторож подписывал, что ключ снят, смотритель подписывал, что подписал сторож. Егор расписался свидетелем и, пока сохли чернила, взвесил ключ на карманных весах.

Егор поправил круглые очки и показал стрелку весов.

— Восемьдесят четыре грамма. Как в паспорте ключа. Копию бы отливали из олова. Она вышла бы легче.

Смотритель выпрямился во весь рост.

— Я же говорил.

— Это дороже, чем кажется, — сказал Егор. — Клятва ничего не весит, а стоит всей репутации Палаты. Лучше проверить.

Книга сверок лежала на конторке под стеклом: сто двенадцать лет одинаковых строк, «совпало, совпало, совпало», и вчерашняя тоже, «девять часов, совпало». Сегодняшняя страница была чистой. Смотритель стоял над ней с пером и не знал, что в неё писать.

Соня уже стояла у двери.

— Я в Обитель. Взгляну на башню с террасы, оттуда её видно целиком. Вернусь до полудня.

Она ушла первой, труба и лупа качались у неё на поясе. Остальные пошли к башне.

Дверь открылась со скрипом, который слышали раз в год.

Внутри стояла клеть, деревянная кабина с рукояткой на стене, и больше ничего: стены уходили вверх голые, как труба.

Костя молча взялся за рукоятку.

Клеть поднималась вручную. Костя считал обороты вслух, по сорок на каждый этаж. Железные шипы скребли по доскам. Егор держал весы на ладони, а Вера слушала, как поскрипывает трос. В щелях между досками мелькали полосы света, жёлтые, потом белые. Город под ногами уходил вниз, переставая быть своим. На шестом этаже клеть встала.

Наверху было просторно и холодно. Огромные шестерни медленно ворочались в полумраке, пахло маслом, камнем и чуть сладкой травой. У стены тянулись вверх железные скобы, чёрные от старого масла, и пропадали в темноте под крышей. На полу лежала серая пыль толщиной в палец, нетронутая, как свежий снег. В ней отпечатались только следы их собственных ботинок. Костя присел и провёл ладонью у стены, где пыль лежала гуще. Только под скобами она казалась рыхлее, но он решил, что это сквозняк.

— По полу с весны никто не ходил, — сказал он. — Это не клятва. Это пыль.

Егор вытер ладони о жилет.

— Если бы мы поверили на слово, сейчас бы искали вора среди Палаты. А искать надо совсем в другой стороне.

— В какой?

— Пока не знаю. Но точно не там, куда нас отправили клятвой.

— А смазка? — спросил Костя.

Смазка на оси стрелок, высоко у стены, блестела жёлтым, свежая и густая. Егор тронул ось платком и спрятал платок в карман жилета. Кто-то работал с этим механизмом и не оставил на полу ни следа. Вера стояла посреди зала и слушала. Цокали шестерни, свистел сквозняк. Откуда-то сверху тянуло холодом и запахом облака.

— Он так говорил, — сказала она. — Проситель. Слова у него не обрывались, а отдавались.

— Высокие потолки? — сказал Егор. — Это ты по голосу решила?

— Не Белый низ: у нас в тумане слова гаснут через два шага. И не пояс, там всё шумит. Он говорил там, где слова долго не кончаются.

— Обитель, — сказал Костя.

— Я не говорю, что он оттуда. Я говорю, что так говорят там. Смотрителю пока не скажем.

— Ему и не нужно, — сказал Егор. — На слова из монастыря у него нет формы акта.

Внизу Костя по привычке пересчитал ступени. Ступень в башне была одна, порог перед дверью. Он вспомнил своё утреннее ворчание. На краю порога, среди воробьиного пуха, белела цифра «3», написанная мелом. Мел был свежий, сухой, нетронутый подошвами.

— Я говорил, что здесь нечего считать, — сказал Костя. — Нашлось одно.

— Три минуты, — сказал Егор. — Те же самые.

— Или третий день, или третий человек, — сказала Вера. — Или просто тройка, которую писали наспех.

Костя прикинул взглядом порог.

— Номер ступени отпадает. Ступень одна.

Он присел и ещё раз обвёл тройку взглядом, чтобы запомнить наклон хвостика: у каждого человека он свой. Костя привык проверять такие вещи на месте, пока не стёрлось.

Соня в это время поднималась в Обитель. На нижних ступенях пахло горячим воском и яблоками из монастырского сада, торговка раскладывала медовые пряники. Дети жевали их на ходу, не глядя под ноги. Потом лестница ушла в облако: сначала стало прохладнее, потом сыро, потом пропали цвета, и остался только гул большого колокола над головой. Дед сидел на ящике у подножия колокольни и натирал ключ тряпкой. Ключей на его поясе было двенадцать. Каждый он любил.

— Мне на террасу, — сказала Соня.

— Опять по крышам, — сказал дед, не поднимая головы, и отпер низкую дверцу ключом величиной с ладонь.

Терраса висела над городом. Ветер здесь пах холодным камнем и дымом свечей. У парапета был закреплён конец толстой верёвки. Она уходила вниз, в облако. По плитам двое послушников в серых рясах мели облачную сырость к краю. Вода стекала вниз, на головы тем, кто ещё не знал, что их ждёт дождь. Облако на минуту разошлось. Внизу от-

крылась башня: узкая, светлая, с плоской крышей, на которую никто не смотрит, потому что все смотрят на часы. Соня раскрыла трубу и повела ею по камню. Квадратный люк был закрыт. Рядом лежал маленький колокольчик на тесёмке, из тех, что послушники носят на поясе, чтобы их находили в тумане.

Соня опустила трубу.

— Дед, а послушники колокольчики теряют?

— Мои нет, — сказал дед. — За потерянный — неделя на кухне.

— А чужие?

— Чужих послушников у меня нет, — сказал дед. Ключ в его руках перестал скрипеть.

К одиннадцати все были в Артели. Соня рассказала про колокольчик, Костя нарисовал на салфетке тройку, Егор сложил всё в уме и сообщил, что до полудня час, а ни один след не ведёт к двери. Смотритель был честен, пыль была честна, и тем страннее выглядела свежая смазка. Чай остыл, пока они спорили, кто мог её оставить. Получалось, что никто не мог.

Вера поднялась на лестницу на крышу, присела на вторую ступень и вывела мелом: «Клятва — не улика». Мел крошился. Она нажимала сильнее. Потом она вернулась к окну и открыла книгу заявок, чтобы записать, чем кончилось утро.

Под её строчкой «Чтобы я не опоздал» стояла другая, чужой рукой, мелким почерком: «К полудню. Простите».

Глава 3

Дело 1. Часы идут назад

— «К полудню. Простите», — прочла Вера и повторила последнее слово: — Простите.

Книга заявок лежала на подоконнике. Четверо склонились над одной строчкой. Почерк был мелкий, с наклоном влево, нажим слабый, как у человека, который писал стоя и торопился. Окно было открыто всё утро. Мимо него прошла половина города.

— Он знал, что не успеет, — сказал Костя. — Потому и извиняется.

— Или знал, что мы не успеем, — сказал Егор. — Он нам что-то должен, а мы ему пока ничего. Что у нас есть?

— Смазка, — сказала Соня.

Егор достал из кармана жилета сложенный платок с жёлтым мазком. Он снял его с оси ещё в башне и никому не сказал, потому что не любил говорить, пока не сравнит.

— Похожую смазку продают одному человеку, часовщику Палаты, — сказал он. — Вчера в журнале выдачи стоит его подпись. Кто ещё знает часы изнутри?

Часовщик жил под крышей в Золотом поясе. В его мастерской тикала сотня часов, ни одни не совпадали. В солнечном луче над верстаком плясала золотая пыль, на подоконнике сушились пёстрые шнурки. После тумана здесь было неожиданно уютно. Старик с очками на лбу не поднял головы от шестерёнки.

— Банку брал, — буркнул он. — Вчера. Смазал стенные часы в Палате. В башню не хожу: я однажды застрял в клети между пятым и шестым этажом. С тех пор я не люблю ничего выше второго.

— Выше второго, — повторила Вера и слушала не слова, а то, как они падали: коротко, глухо, прямо в сукно на столе. Голос гас у стены, не уходя дальше. У просителя слова были совсем другие: они отдавались, как в большом зале.

Егор взвесил банку. Убыль была такой, какая нужна, чтобы смазать стенные часы, и ни на грамм больше. Тогда он поднёс платок.

— Это ваше?

Старик понюхал и поморщился.

— Нет. У меня масло тёмное, оно пахнет железом. А это... — Он понюхал ещё раз. — Это травой пахнет.

Соня втянула воздух и даже не взялась за лупу.

— Тихая смазка, — сказала она. — Ею чистят язык большого колокола, чтобы он не гремел по ночам. Дед надевает платок на нос, когда открывает банку. Говорит, от неё у новичков туман в голове.

— Значит, Обитель, — сказал Костя.

— Значит, кто-то из Обители лазил к часам. Но не через дверь. — Соня повертела подзорную трубу. — А если посмотреть сверху? На террасе под ногами был закреплён конец верёвки. Она уходила в облако. Я ещё тогда подумала, куда. Проверю, цела ли она. Я быстро.

— Одна? — спросил Костя.

— Это крыша, а не пропасть.

Егор молча взял шнурок её лупы, который вечно запутывался в трубе, распутал его, затянул узел вдвое короче и вернул. Соня подержала узел в пальцах и ничего не сказала. Потом ушла. Лупа с трубой качались у неё на поясе в такт шагам.

Они ждали на площади. Башня стояла в солнце. Толпа под ней поредела: люди перестали сверять часы и просто спешили кто куда. Пекарь с фартуком в кулаке ушёл печь булки по новому времени. Двое мальчишек катали по плитам мячик и спорили, чья очередь, потому что очередь теперь определяла не башня. Костя взял у пожарных верёвку, там ему никогда не отказывали, и стал прикидывать глазом стену. Егор достал карманные весы и держал их на ладони, ничего не взвешивая: он не сознавал, что делает это уже минуту. Вера слышала, как он считает про себя, шевеля губами. Счёт у него шёл медленнее обычного.

Вера слушала город. Она слышала колокол Обители, шаги на лестницах, голоса, звон вёдер, и среди этого не слышала только одного: сигнала с крыши, свиста или хотя бы стука подошвы по свинцу, который она узнала бы из тысячи.

— Прошло тридцать минут, — сказал Егор. — Она сказала «быстро».

— Давайте поднимемся и посмотрим, — сказал Костя и пошёл по стене.

Он лез по пожарной верёвке, как по лестнице, считая карнизы. Ботинки с шипами оставляли на светлом камне царапины, которые завтра придётся оправдывать. На высоте облако дотронулось до его плеч, стало холодно и сыро, а звуки города отодвинулись и стихли. Крыша башни показалась из белого неожиданно, плоская и свинцовая, горячая от солнца там, где облако её не касалось, с бурым пятном лишайника у края. Костя перекинул ногу через парапет.

Пусто. Конец монастырской верёвки был привязан к кольцу у края. Она провисла вниз, к террасе. Люк в середине крыши был закрыт, а маленького колокольчика, который утром лежал рядом, там уже не было. На парапете лежала лупа на лопнувшем шнурке: узел, который затянул Егор, остался целым, а порвалось рядом. От края к люку тянулась полоса в пыли шириной в локоть. На петле люка трепыхался клочок голубой ткани.

Костя подёргал люк. Тот был заперт изнутри. Он лёг на живот и приложил глаз к щели: внизу темнота и тот же холодный сладкий запах, какой стоял на платке у Егора. Он постучал и позвал Соню по имени, потом громче. Облако съело звук.

— Здесь её нет! — крикнул он вниз. — Здесь следы!

Вера сложила ладони у рта и крикнула вверх, в Обитель, где у верёвки стоял дед. Ответ пришёл не сразу, глухой, из белого:

— Была! Пошла по верёвке! Не возвращалась!

Значит, до крыши она добралась. Дальше начиналось то, чего никто не видел. Костя на карнизе впервые за день перестал считать.

Внизу Егор побежал в Палату. Смотритель выслушал его на пороге, прижимая ключ к груди, с видом человека, у которого просят достать из шкафа невозможное.

— Открыть башню? Повторно? — сказал он. — Акт составляется один раз в сутки. Завтра с утра, пожалуйста.

— Там человек пропал, — сказал Егор.

— Тогда это не к Палате. Это к Службе пропавших лиц, она открывается в час.

— Времени у нас нет, — сказал Егор.

Но смотритель уже закрыл дверь. Егор вернулся к башне, Костя спустился, Вера ждала у железной двери. До полудня оставалась минута. Они встали втроём. Никто не сказал того, что думали все: ключ один, дверь одна, а Соня, возможно, там.

В Обители ударил большой колокол. Удары раскатились по лестницам. Секунда в секунду ударила башня. Егор поднял карманные часы и долго не отрывал взгляда от стрелок.

— Три минуты вернулись, — сказал он. — Кто-то перевёл часы обратно. Изнутри, пока мы стояли под дверью и спорили с актом.

Вера прислонилась ухом к железу. Внутри было тихо, а из-под двери тянуло сладким запахом травы.

Решили так: Костя остаётся у башни, Егор в час идёт в

Службу пропавших лиц, а Вера возвращается в Артель и расспросит Обитель про верёвку. Вера думала о том, что отпустила Соню одну, потому что поверила её «быстро». В городе, где все верят башне, это было почти простительно, но легче от этого не становилось.

Она вернулась в Артель, поднялась на третью ступень и вывела мелом: «Сравни с образцом». Мел оставил на пальцах белую пыль. Башня пробила двенадцать вовремя, а Сони по-прежнему не было ни на крыше, ни в Обители, ни там, где её звали.

Глава 4

Дело 1. Часы идут назад

Книга заявок лежала на подоконнике раскрытой. Вера в третий раз читала собственную запись. «Чтобы я не опоздал». «Мне к полудню наверх». Всё утро она слушала начало просьбы, а надо было слушать конец.

— Наверх, — повторила она. — Не в Обитель и не к деду. Он сказал «наверх», а мы услышали голос оттуда и решили, что он идёт домой. Ему надо было на башню к полудню. Исправить то, что он сам сделал.

— Тогда «Простите» тоже он, — сказал Егор. — Извинился заранее.

Костя уже стоял в дверях с пожарной верёвкой через плечо.

— До крыши корзиной три минуты, — сказал он. — Едем.

Корзина была плетёная, пожарная, в ней обычно возили

снятых с крыш кошек. В этот раз она пахла кошкой и свежим хлебом. Костя вёл её по стене башни, ветер раскачивал её, золотой полуденный свет бил в плетёные борта, облако дышало холодным камнем, а внизу крыши из золотых становились серыми и совсем маленькими. Егор держал весы на коленях и пересчитывал секунды. Вера слушала, как скрипит верёвка.

На крыше было тихо. Люк в середине был закрыт, лупа Сони всё ещё лежала на парапете, а колокольчика на тесёмке, который утром лежал рядом, не было. Вера опустилась на колени, приложила ухо к железу и сказала негромко, как в приёмном окне:

— Чтобы я не опоздал. И ещё: простите.

Внутри стукнуло, щёлкнула задвижка. Крышка поднялась на ширину ладони. В щели показалось молодое бледное лицо в капюшоне. Голос был тот самый, быстрый, отдающийся.

— Вы Вера? Вы записали?

— Слово в слово, — ответила она.

— Она жива, — сказал он вместо приветствия. — Она наклонилась над петлёй и упала. Я втащил её и запер люк. Она просто спит. Я не знал, что делать.

Люк открылся до конца. Вниз вели железные скобы. Они спустились по ним в машинный зал, где пахло маслом, камнем и сладкой травой. Егор достал платок и прижал к носу. На мешковине у стены лежала Соня, подложив под щёку ладонь, и спала так спокойно, как спят только дома, в тёплом

углу. Вера впервые за утро перевела дух.

Костя присел рядом.

— Соня, — позвал он. — Уже за полдень.

Соня открыла глаза, моргнула и села.

— Я уснула?

— Минут на сорок.

— Я наклонилась понюхать петлю люка, — сказала она. — Тихая смазка, я же знала, что неизвестное лучше не нюхать. Больше не буду. — Она ощупала порванный рукав. — Голубой клочок на петле мой. — Она потёрла лоб и впервые взглянула на послушника. Тот сидел в углу, обхватив колени, и теребил рукав. — У вас на манжете красный сургуч. С оттиском Верхнего архива.

Послушник вытащил из рукава плотный конверт и протянул его, как протягивают горячее.

— Это ответ моему брату, — сказал он. — Я не успеваю.

Егор положил конверт на карманные весы, не вскрывая. Весы качнулись и замерли.

— Семь граммов, — сказал он. — Легче, чем всё, что мы о вас подумали. И дата на печати: вчера, девять вечера. Архив выдал ответ вчера. Он не опоздал, он лежал у вас в рукаве.

Послушник рассказал всё сразу, торопясь, как человек, который боится передумать. Он был обительский, но носил почту Верхнего архива. Дед за своего его не считал. Его брат был лодочником. Пролёт с лодочной лавкой оспаривал сосед. Верхний архив обещал решить дело «к полудню». Брат

поклялся: нет ответа к последнему удару башни, значит, пролёт потерян. Он уезжает на Подкову наниматься к чужим лодкам. Паром туда идёт в половине первого, мешок уже собран. Письмо послушнику отдали вчера вечером, но брат с рассвета был на дальних сетях и возвращался на пристань лишь к удару. Никто не знал, как найти его раньше.

— Я подумал, что три минуты это ничего, — сказал он. — А для письма это жизнь. Ночью я пришёл сюда по монастырской верёвке, она у нас для масла, и отодвинул стрелки, чтобы выиграть время. Бой сидит на той же оси, что и стрелки, поэтому башня ударила позже. Пола в зале я не касался: ось у самых скоб, до неё дотянешься со скобы. Мешковина лежит там же, Соню я опустил на неё. Утром понял, что натворил: паромы, булки, суд, весь город идёт не туда. Побежал к вам. Колокольчик обронил на крыше, подобрал, когда она упала. Пока она спала, вернул стрелки на место: хватит городу моих трёх минут. И так запутался, что попросил не опоздать, а надо было сказать: помогите мне это исправить.

— Не опоздать и вернуть три минуты, — сказала Вера. — Это были две просьбы в одной.

— Я боялся, что вы начнёте с наказания.

— Мы начинаем с вопроса «зачем», — сказала Вера. — Остальное потом.

Дальше было быстро. Костя посадил Соню и послушника в корзину, а сам пошёл следом по стене, считая карнизы вслух, пока Егор с Верой травили корзину на верёвке. По-

слушник держал конверт обеими руками и всю дорогу смотрел только на него. Внизу сторож Палаты увидел, как с неба спускаются двое в корзине и третий по стене, и выронил акт.

Они бежали вниз по лестницам, через рынок, где как раз развешивали на солнце ярко-красные платки, через бельё на верёвках. Мимо них пролетали мандарины и мальчишки. На пристани пахло дёгтем, мокрым деревом и жареной рыбой, туман расходился клочьями. В нём гулко ударил паромный колокол: первый звонок. На причале стоял паром с поднятым трапом. Брат послушника, плечистый, в рыбацкой куртке, как раз прощался с сетями: пролёт он считал потерянным. Послушник на бегу крикнул ему что-то непонятное, брат развернул письмо у самого борта, прочёл его дважды и засмеялся так громко, что чайки поднялись с воды.

— Подтверждён! — крикнул он. — Весь пролёт мой!

Паром ушёл без него. Послушник обнял брата так, что у того зазвенел пояс, а мешок с вещами остался лежать на досках, забытый, как ненужная мысль.

Потом послушник сам пошёл в Палату, держась за рукав Веры, чтобы не передумать по дороге, и всю лестницу молчал. Смотритель выслушал его до конца, лицо у него менялось от красного к серому и обратно, а потом он достал книгу сверок и обмакнул перо. Сто двенадцать лет одинаковых строк закончились одной новой: «Совпало с опозданием на три минуты. Причина установлена».

— Это дороже, чем кажется, — сказал Егор. — Три ми-

нуты и одна запись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.